

Е.В. Сундуева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.011

УДК 811.512.3*373

Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина на монгольские языки

В статье рассматривается перевод лексики карточной игры повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина Д. Нацагдоржем, В.Л. Егоровым и М.Ж. Батоином на монгольский и бурятский языки по мере ее появления в тексте повести. Актуальность темы объясняется недостаточной степенью изученности практики перевода русской классики на языки республик бывшего СССР и азиатских народов. В.Л. Егоров в большинстве случаев предпочитает сохранить иноязычное слово, при этом лишь два из них (мирандоль, руте) снабжены комментариями. Подобный подход продиктован близостью бурятского народа к русской культуре, о чем также свидетельствует большое количество русизмов в бурятском варианте. Перевод В.Л. Егорова, несмотря на небольшие неточности, никак не влияющие на собственно содержательную часть, на наш взгляд, в достаточной мере передает насыщенность языка Пушкина. М. Батоин при переносе повествовательной прозы на язык театра в пьесе «Елбэрэй хатан» не использует иноязычные слова, поскольку они могут затруднить «проживание» текста зрителем. Если В.Л. Егоров придерживался принципа форенизации, сохраняя иностранные культурные и языковые ценности, то М. Батоин, напротив, использует метод доместикации, сокращая текст оригинала и делая акцент на культурных ценностях бурятского языка. Д. Нацагдорж при передаче лексики карточной игры использует как заимствования (Пароли-пе, фараон, вист) с обязательными комментариями в виде постраничной ссылки, так и дословный перевод, умеренно адаптируя текст оригинала. Д. Нацагдорж стремился передать русский мир в собственно монгольских, незаемных образах, используя национальные традиции.

Ключевые слова: перевод, Пушкин, монгольские языки, повесть, лексика карточной игры, комментарий, образность, оригинал.

Повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама», опубликованная в журнале «Библиотека для чтения» в 1834 г., стала одним из первых произведений русской литературы, переводившихся, на иностранные языки классиками европейской литературы. В частности, Е.А. Разлоговой проанализированы 16 французских переводов повести, в том числе П. Мериме [Разлогова, 2012]. Цель данной статьи состоит в выявлении приемов, использованных при переводе повести на монгольский и бурятский языки, а также степени влияния на них истори-

ко-культурного контекста. Актуальность данной статьи объясняется недостаточной степенью изученности практики перевода русской классики на языки республик бывшего СССР и азиатских народов.

В личном фонде одного из основоположников монгольской литературы Дашдоржийн Нацагдоржа, хранящемся в Институте языка и литературы Академии наук Монголии, имеется документ за подписью заведующего общим отделом Амгалана, подтверждающий, что перевод повести на современный монгольский язык

под названием «Гилбэрэйн хатан» был осуществлен Д. Нацагдоржем. Однако по причине утраты некоторых частей перевода Д. Нацагдоржа Шагдаржавын Нацагдорж дополнил и в 1949 г. опубликовал перевод в соавторстве в книге «А.С. Пушкин», вышедшей к 150-летию со дня рождения поэта [Нацагдорж, 2006, с. 250–251].

На бурятский язык повесть была переведена В.Л. Егоровым к 100-летию со дня гибели поэта и опубликована отдельным изданием «Гилбэрэй хатан» в 1937 г. на латинском алфавите [Руушкин, 1937]. К сожалению, сведений об авторе первого и единственного перевода «Пиковой дамы» на бурятский язык обнаружить не удалось. Также в 1999 г. к 200-летию со дня рождения поэта в газете «Буряад үнэн» был издан отрывок (первая часть) из пьесы «Елбэрэй хатан» на бурятском языке в переводе М.Ж. Батоина [Батоин, 1999]. На калмыцкий язык повесть не переводилась.

Творчеству Дашдорджийн Нацагдоржа, в том числе его переводческой деятельности, посвящено диссертационное исследование К.Н. Яцковской [1972]. Ее монография представляет собой наиболее полный источник сведений о жизни и творчестве выдающегося поэта, драматурга, переводчика Монголии XX в. [Яцковская, 1974]. К 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа вышла статья, в которой К.Н. Яцковская, анализируя его переводы А.С. Пушкина, отмечает: «Переводы Нацагдоржа, сразу ставшие литературным явлением, отличает редкая при переложении на монгольский язык близость к оригиналу. Главное для Нацагдоржа, ... сохранить художественную действительность подлинника. Он не пренебрегает ни малейшей подробностью текста, чрезвычайно избирателен в изобразительных средствах, всецело подчиненных глубине художественного замысла» [Яцковская, 2007, с. 17].

В Монголии переводы поэтических и прозаических произведений А.С. Пушкина Д. Нацагдоржем изучались Р. Гурбазаром [1976; 1982], Х. Пэрлээ [1972], А. Шархуу [1976], С. Галсаном [1986] и др. Р. Гурбазар защитил диссертацию «Некоторые вопросы художественного перевода» на материале переводов произведений А.С. Пушкина [1980]. На бурятский язык творчество А.С. Пушкина, в основном поэтическое, переводилось М. Батоином, Ц. Галсановым,

Н. Дамдиновым, Д. Дамбаевым, Г. Дашабыловым, Ц.-Д. Дондогой, Ш. Нимбуевым, Солбонэ Туя, А. Жамбаломом, Г. Чимитовым, однако в бурятоведении нет отдельных исследований, посвященных этим переводам.

Как отмечает Е.Э. Разлогова, текст повести «Пиковая дама» в языковом плане проще для перевода, чем многие другие тексты А.С. Пушкина. «Основные трудности связаны с терминологией карточной игры, небольшим количеством национальных реалий и архаизмов..., а также с незначительными элементами просторечья. Небольшой объем, прозаическая форма, относительно простой синтаксис, в частности, большое количество простых и коротких фраз, бытовая тематика – то, что В.В. Виноградов называл “средним светским стилем”, – все это говорит в пользу того, что текст с языковой точки зрения в целом доступен для перевода» [Разлогова, 2012, с. 68].

Рассматриваемая лексическая группа играла важную роль в русском языке XVIII – начала XX в., поскольку, по выражению Ю.М. Лотмана, карточная игра выступала «центром своеобразного мифообразования эпохи» [Лотман, 1994, с. 136]. По мнению О. Фроловой, лексику карточной игры в «Пиковой даме» можно считать фундаментом композиции и смысла повести: в их значениях заключены тактика достижения быстрого успеха и стратегия риска [Фролова, 2005, с. 38]. В 1930-е гг., когда осуществлялись переводы, переводчики в достаточной мере понимали значение данных лексических единиц. По устному сообщению доктора исторических наук Института истории Монгольской академии наук Б. Пунсалдулам, впервые в Монголии в карты стала играть молодежь, вернувшаяся из России в 1929 г. Д. Нацагдорж с супругой Н. Чистяковой, отмечая наступление нового 1931 г., также играли в карты с приглашенными гостями, в числе которых были русские офицеры и инструкторы.

Рассмотрим передачу лексики карточной игры Д. Нацагдоржем по мере ее появления в тексте повести в сравнении с переводами на бурятский язык В.Л. Егорова и, по возможности, М.Ж. Батоина с позиции отражения ими «культурного фона» эпохи.

Слово *мирандоль* имеет двоякое лексикографическое описание. По определению В.В. Ви-

ноградова, *играть мирандолом* значит ‘играть одними и теми же скромными кушами, не увеличивая ставки’ [Виноградов, 1936, с. 79], в то время как В.И. Чернышов пишет: «*Мирандолом играть* – играть, ставя куш на две карты, при выигрыше идти углом, ... угол – ставка, увеличенная в 2 раза» [Чернышов, 1970, с. 312]. О. Фролова приходит к выводу о верности толкования В.И. Чернышова, дополнив его тем, что «при игре мирандолом обе карты, на которые делает ставку понтер, должны выиграть» [Фролова, 2005, с. 36]. Такой способ игры считался менее азартным, нежели другие способы, поскольку игрок, ставя одинаковые ставки на две карты, увеличивал шанс того, что хоть одна из них выиграет. Словосочетание *играю мирандолом* переведено Д. Нацагдоржем в виде предложения: *Би мөрийгөө үргэлж өсгөж тоглодог*. ‘Я играю, постоянно увеличивая ставку’, однако в нем не отражено основное значение ‘ставить на две карты’. В.Л. Егоров оставляет слово *мирандоль* без перевода (*mirandalioor naadanam*), дав комментарий в виде постраничной ссылки: *tabisajaa jixedxengyi* ‘не увеличивая ставку’, судя по которому, переводчик придерживался определения В.В. Виноградова. М.Ж. Батоин перевел, минуя слово *мирандоль*: *Баанхын барисада обтожсо, үлүү хэтэрнэшиггүйб*. ‘Я не впадаю в крайность, зарясь на банк’.

Слово *руте* ‘положение, когда много раз подряд выигрывает одна и та же карта; счастливая карта, на которую повторно ставит игрок в надежде рано или поздно сорвать куш’, Д. Нацагдорж оставил без перевода: *Рутээр ер тоглосонгүй юу?* ‘Ни разу не поставил на руте?’, дав постраничную ссылку: *мөрийтэй хөзөрт нэг тоглогч дараагаар хэд хэдэн хөзөр идэхийг хэлнэ* ‘когда в картах один и тот же игрок выигрывает несколько раз подряд’. В.Л. Егоров также не переводит его: *Xarin, obtozo negeş ruytede tabiza yzeegy jyuş?* ‘Разве ты ни разу, позарившись, не поставил на руту?’, пояснив слово: *udaа daraа хозохоор* ‘с тем, чтобы выиграть несколько раз подряд’. В пьесе М. Батоина слово опущено: *Баанхын мүнгэ шобто ходо татажа, абаха дуран хүрэнгүй гэжэ гү?* ‘И тебе не хочется подчистую сорвать банк?’

В начале первой главы повести словосочетание *отроду не загнул ни одного пароли*, означа-

ющее ‘за всю жизнь ни разу не увеличил ставки’, где *гнуть пароли*, значит ‘загибать углы поставленной карты в знак удвоения ставки’ (от фр. *parole* ‘удвоенная ставка’), переведено Д. Нацагдоржем следующим образом: *Хүн болсоор хөзөр мөрийтэй тоглож үзээгүй*. ‘За всю жизнь (досл. с тех пор, как стал человеком) не пробовал делать ставки’. В.Л. Егоров, сделав дословный перевод, оставляет его без комментария: *tyrexehөө хоišo negeş parooli nugalaagy* ‘с рождения не загнул ни одного пароли’. М. Батоин полностью заменяет слово: *Заяан наһандаа нэгэшиг дахин хубаарида хуугаагүй*. ‘За всю жизнь ни разу не сидел при раздаче карт’. Как видно, Д. Нацагдорж прибегает к образному выражению *хүн болсоор* ‘с тех пор, как стал человеком’, Егоров же – к дословному переводу *tyrexehөө хоišo* ‘с тех пор, как родился’.

Второй раз слово *пароли* встречается в конце первой главы в сочетании с *пароли-не* ‘ставка, увеличенная вчетверо’: *Чаплицкий... загнул пароли, пароли-не, – отыгрался и остался еще в выигрыше*. В данном случае Д. Нацагдорж пропускает слово *пароли*, оставляет *пароли-не* и дает его с прописной буквы: *Чаплицкий... дараагаар Паролипейг магтаж, эцэст Паролипейг хонжиж урьд алдсанаа эгүүлэн аваад бас дээр нь хожсон гэдэг*. ‘Чаплицкий... затем, превознося пароли-не, выиграл, вернув ранее проигранное и оставшись в выигрыше’. При этом переводчик снабдил *пароли-не* пояснением: *урьдахаасаа хоёр дахин, анхдугаар тоглолтоосоо 4 дахин нэмж мөрий тоглохыг хэлнэ* ‘увеличение ставки в два раза от предыдущей и в четыре раза от первоначальной’. У В.Л. Егорова слова *пароли, пароли-не* снова остаются без перевода и комментария: *parooli, parooli pee nugalaad* ‘загнув пароли, пароли-не’. М. Батоин описывает ситуацию следующим образом: *Чаплицкий... хоёрдохи хубаалганда бүри ехье шүүжэрхибэ. Гурбадахидаа тэрэ ехэ үриэз бүглэхэхөө байтагай аманда орошогүй туйлай ехэ мүнгэ эдижэрхибэ*. ‘При второй раздаче Чаплицкий выиграл еще больше. При третьей же он не только закрыл свой большой долг, но и выиграл огромные деньги’. Использование определения *аманда орошогүй туйлай ехэ* (досл. ‘настолько большие, что невозможно передать словами’), несмотря на избыточность, усиливает образность перевода, придавая художественную яркость речи.

В первой главе значение глагола *метать* ‘раскладывать карты попеременно на две кучи’ (*Герцог Орлеанский метал*) Д. Нацагдорж и В.Л. Егоров передали в общем: *банк барих* ‘держат банк’ и *баанха бариха* ‘держат банк’. В шестой же главе, в соответствии с контекстом (*Чекалинский дружески пожал ему руку, просил не церемониться и продолжал метать*), ими уже передано конкретное действие: *хэзрийг чулуудах* ‘кидать карты’ и *хаарта татаха* ‘раскладывать карты’. Слово *банкомет* ‘игрок в карты, который держит банк’ представлено в виде монг. *банк гаргагч* ‘тот, кто ставит банк’ и *баанха баргаахан* ‘тот, кто держит банк’. Глагол *понтировать* ‘участвовать в карточной игре в качестве понтера’ переведен на монгольский язык как *мөрийцэж наадах* ‘играть на ставку’, на бурятский язык – *хаарта табиха* ‘ставит карту’ и *хаарта наадаха* ‘играть в карты’. Существительное *понтер* ‘играющий в банк против банкромета’ представлено в виде монг. *тоглоомчин* ‘игрок’, бур. *naadaašan* ‘игрок’.

Название карточной игры *фараон* дважды встречается в тексте. В первой главе (*В то время дамы играли в фараон*) Д. Нацагдорж перевел предложение без названия: *Тэр цагт хатагтай нар хэзрөөр мөрийцэн толгодог байсан гэдэг юм*. ‘В то время дамы играли в карты на ставку’. Во втором же случае в шестой главе (*предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства*) переводчик оставил слово *фараон* (*хүүхэн эргүүлэхээс фараон наадахыг эрхэмлэв*) с комментарием: *тэр үед тоглодог ниитийн тоглоом* ‘всеобщая игра того времени’. В первой главе бурятского варианта название сохраняется (*Tere yjede xatad faravoon naadaar naadadag baigaa*), в шестой же главе заменяется словом *naadan* ‘игра’ (*xiidхуур jabadalai baxahaa taraan naadanda duraa buliaagdaxii hungaza*). Название игры *вист* в обоих переводах сохранено: монг. *вист* с пометой *нэгэн зүйл хэзрийн наадам* ‘вид карточной игры’, бур. *viiste*.

Слово *соника* ‘сразу, с первой ставки’ в обоих случаях опущено Д. Нацагдоржем и передано следующим образом: *гурван хэзөр сугалан авч, дараагаар цувуулан дэлгэсэн нь гурвуулан хонжиж* ‘выбрала три карты, поставила их одну за другою, и все три выиграли’; *тэргүүн хэзөрт таван түмийг тавиад хонжжээ* ‘выиграл, поставив пятьдесят тысяч на первую кар-

ту’. М. Батоин также избегает использования слова: *гурбан хаарта гаргажа, ... гурба удаалуулан баанха хооложорхибо* ‘выбрав три, трижды опустошила банк’; *түрүүшын хубаарида 50 мянгыг эдибэ* ‘с первой раздачи выиграл пятьдесят тысяч’. В.Л. Егоров сохраняет слово (в первом случае в кавычках), не поясняя его: *qurban хаарта шилеэе абаад хойно хойноооо табиа: тедень барандаа «soonig» edibe* ‘выбрала три карты, поставила их одну за другой, и все они выиграли соника’; *тыруунхи хаартатабин минга табиаад soonig ediee* ‘поставив пятьдесят тысяч на первую карту, выиграл соника’. Здесь наблюдается влияние русского языка на бурятский. Если в монгольском языке числительное 50000 передано с помощью числительного *түм* ‘десять тысяч’ (*таван түм* ‘пять десятков тысяч’), то в бурятском языке оно, как и в русском, представлено числительными *табин мянга* ‘пятьдесят тысяч’.

Словосочетание *порошковая карта* ‘шулерская карта с лишним очком, наведенным с помощью порошка’ Д. Нацагдорж перевел как *хуурамч хэзөр* ‘фальшивая, подложная карта’, М. Батоин – как *шүүлрнүүдэй хаарта* (от рус. *шулер*). Более точный перевод, отражающий суть подлога, дан В.Л. Егоровым: *ниуаатал ниудетеи хаарта* ‘карта с приклеенным очком’. Как известно, на фальшивых картах необходимое очко через прорезь прилипало в виде красного или черного порошка.

Использование французского слова *атанде*, представленного в эпиграфе к шестой главе, детально рассмотрено О. Фроловой. Если В.И. Даль дает толкование ‘стой, постой, не мечи далее, я ставлю’ (из уст понтера), то Д.Н. Ушаков – ‘не ставьте больше’ (из уст банкромета). На основе пособий против шулерства в картах разного времени О. Фролова выяснила, что реплика все же относится к речи понтера [Фролова, 2005, с. 34–35]. Д. Нацагдорж, оставив слово без перевода, в комментарии придерживается определения Д.Н. Ушакова: *atande (франц. хүлээлт гэдэг үг хуучирсан нь) хэзөр наадахад дээш бүү тавь гэдэгт хэрэглэх үг* ‘франц., уст. ‘ожидание’, в картах означает «больше не ставьте». В бурятском варианте В.Л. Егорова лексема *ataande* осталась без пояснения.

Лексему *талья* ‘партия в карты, промет всей колоды до конца или до срыва банка’ Д. Нацаг-

дорж также оставляет в тексте без изменения (*Талья удаан үргэлжлэв; Тэгсээр талья дуусаа; шинэ талья хүлээж*), снабдив комментарием: *нэгэн толгой хөзрийг дуустал нь буюу банк гаргагчийг алдтал нь чулуудахыг хэлэнэ* ‘промет одной колоды до конца или до проигрыша банкомета’, в то время как В.Л. Егоров предпочитает заменить ее на слово *baanxa* ‘банк’ (*Baanxanhь удаан yrgelzelbe; Odoosь baanxanhь duushaba; shineerь baanxa barixiini хylieegeed*). Слово *семпель* ‘простая полная ставка на карту’ в предложении «Никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил» не используется ни в монгольском, ни в бурятском переводе: *Надад ямар ч хүн хоёр зуун далан таваас илүүг нэг хөзөрт тавиагүй юм / Hojor zuun dалан tabanhaa deese хенш nege хаartada tabiaаgyi jut*.

Глагол *обдернуться* ‘ошибиться, вытасив не ту карту’ передан на монгольский язык глаголом *андууран авах* ‘взять по ошибке’, на бурятский – *ондоо хаарта абаха* ‘взять другую карту’. При переводе слова *убить* ‘выставить против другого карту более высокого достоинства’ в предложении *Дама ваша убита* Д. Нацагдорж использовал прямое значение глагола *үхэх* ‘умирать’ (*Танай хатан үхжээ* ‘Дама ваша умерла’), что отвечает общей теме смерти в лексике карточной игры первой половины XIX в. В.Л. Егоров прибегает к глаголу в форме страдательного залога: *Xatantnai soxigdoо* ‘Дама ваша бита’.

Из названий карт в тексте повести «Пиковая дама» встречаются числовые карты *тройка* (монг. *дадар* ‘козырная тройка’, бур. *gurba niyden*), *семерка* (монг. *долоон*, бур. *doloон niyden*), *девятка* (монг. *ес*, бур. *juhen niyden*) и фигуры *валет* (монг. *боол* ‘раб, холоп’, бур. *holoоб* от рус. *холоп*, или *хлан*), *дама* (монг. *хатан* ‘госпожа, знатая дама’, бур. *xatan*), *туз* (монг. *тамга* ‘печать’, бур. *tyis* от рус. *туз*). Из названий мастей фигурирует лишь *гилбэр*, бур. *гилбэр* ‘пики’, перен. от *гилбэр* ‘железный наконечник; пика’.

Рассмотрение двух переводов «Пиковой дамы», сделанных в 1930-х гг., показало, что их авторы Д. Нацагдорж и В.Л. Егоров, принадлежа к одной исторической эпохе и к одному культурно-социальному слою, передают лексику карточной игры на родственных языках разными приемами, что в первую очередь обусловле-

но историко-культурным фоном. В.Л. Егоров в большинстве случаев предпочитает сохранить иноязычное слово, при этом лишь два из них (*мирандоль*, *руте*) снабжены комментариями в виде постраничной ссылки. Подобный подход, вероятно, продиктован близостью бурятского народа к русской культуре, о чем также свидетельствует большое количество русизмов в бурятском варианте. Перевод В.Л. Егорова, несмотря на небольшие неточности, никак не влияющие на собственно содержательную часть, на наш взгляд, в достаточной мере передает насыщенность языка Пушкина. Более поздний перевод М. Батоина показал, что при переносе повествовательной прозы на язык театра в пьесе «Елбэрэй хатан» автор не использует иноязычные слова, поскольку они могут затруднить «проживание» текста зрителем. Если В.Л. Егоров придерживался принципа форенизации, сохраняя иностранные культурные и языковые ценности, то М. Батоин, напротив, использует метод доместикации, сокращая текст оригинала и делая акцент на культурных ценностях бурятского языка. Д. Нацагдорж при передаче лексики карточной игры использует как заимствования (*Пароли-не, фараон, вист*) с обязательными комментариями в виде постраничной ссылки, так и дословный перевод. Выбирая между форенизацией и доместикацией, он придерживается «золотой середины», умеренной адаптации текста оригинала. Как пишет К.Н. Яцковская, Нацагдорж взял А.С. Пушкина «в проводники в своих творческих исканиях на путях воплощения в художественной прозе человека с его космической тайной бытия, сложностью природы и психологии» [Яцковская 2007, с. 17]. В целом, автор перевода стремился передать русский мир в собственно монгольских, незаемных образах, используя национальные традиции и образные средства монгольского языка.

Литература

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. – 1936. – № 2. – С. 75–86.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII–XIX века. – СПб., 1994. – 558 с.

- Разлогова Е.Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 66–90.
- Фролова О. Иноязычная терминология в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» // Studia Rossica Posnaniensia. – 2005. – XXXII. – С. 27–38.
- Чернышов В.И. Темные слова в русском языке // Избранные труды: в 2 т. – М., 1970. – Т. 2. – С. 303–317.
- Яцковская К.Н. Дашдоржийн Нацагдорж (1906–1937). Жизнь и творчество: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 229 с.
- Яцковская К.Н. Дашдоржийн Нацагдорж. – М.: Наука; ГРВЛ, 1974. – 133 с.
- Яцковская К.Н. Из рода «хранителей тайны огня» // Mongolica-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 10–19.
- Батоин М. Елбэрэй хатан (долоон үзэгдэлтэй зүжэгхөө хэжэг) // Буриад үнэн. – 1999. – 5 авг. – С. 15.
- Галсан С.Д. Нацагдоржийн орчуулагч болох нь // Орчуулах эрдэм. – 1986. – № 4. – С. 51–55.
- Гүрбазар Р. Нэгэн шүлгийн хоёр орчуулга // Хэл зохиол судлал. – 1976. – Боть XII. Дэвтэр 15. – С. 203–209.
- Гүрбазар Р. Уран зохиолын орчуулгын зарим асуудал (А.С. Пушкины зохиолын орчуулгын материалаар): дис. ... к. филол. н. – Улаанбаатар, 1980. – 145 с.
- Гүрбазар Р. А.С. Пушкиний зохиолыг монгол хэлээр орчуулсан тухай // Орчуулах эрдэм. – 1982. – № 3. – С. 121–124.
- Нацагдорж Д. Бүрэн зохиол. Дэд дэвтэр. – Улаанбаатар: Цагаан бамбарууш, 2006. – 358 с.
- Пэрлээ Х. Пушкиний нэг шүлгийг монголчилсон нь // Орчуулах эрдэм. – 1972. – № 1. – С. 182–186.
- Шархүү А. А.С. Пушкиний шүлгээс Д. Нацагдорж орчуулсан нь // Орчуулах эрдэм. – 1976. – № 2. – С. 20–30.
- Руушкин А.С. Gilberei xatan. – Ulaan-Yde, 1937. – 61 с.

E. V. Sundueva

Words of card game in translations of Alexander Pushkin's novel "The Queen of Spades" in the Mongolian languages

The author considers how D. Natsagdorj, V. L. Egorov and M. Zh. Batoin translated words of card game in the story "Queen of spades" of A. S. Pushkin in Mongolian and Buryat languages in order of their appearance in the text of the story. Its relevance is connected to the lack of study of the practice of translating Russian classics into the languages of the republics of the former USSR and Asian peoples. V. L. Egorov in most cases prefers to keep the foreign-language word, at the same time only two of them (mirandole, rute) are supplied with comments. Such approach is dictated by closeness of the Buryat people to the Russian culture. It could be also testified by a large number of borrowings from Russian in the Buryat translation. The translation of V. L. Egorov, despite the small inaccuracies which aren't influencing actually substantial part in any way, in our opinion, adequately refers the richness of A. S. Pushkin's language. M. Batoin in process of transferring of narrative prose on the language of theater doesn't use foreign-language words as they can complicate "emotional experience" of the viewer. While V. L. Egorov adhered to the principle of foreignization, preserving foreign cultural and linguistic values, M. Batoin, on the contrary, uses the method of domestication, shortening the text of the original and emphasizing the cultural values of the Buryat language. D. Natsagdorj while translating the words of card game uses both borrowings (parole-pe, faro, whist) with comments, and translation, moderately adapting the original text. The writer aimed to transfer the Russian world in actually Mongolian, not loan images, using national traditions and figurative devices of the Mongolian language.

Keywords: translation, Pushkin, Mongolian languages, story, words of card game, comment, figurativeness, original